

Эта сцена страсти стала последней на сегодня и одной из ключевых во всём фильме. Для главного героя Чжоу Сяоча это был первый и единственный момент эмоционального взрыва, когда он сам ищет близости, завершая трансформацию отношений. Писавший сценарий Сяо Жофэй рассматривал эту сцену как переход от второго акта к третьему, вложив в неё немало усилий, особенно после того как на роль был утверждён Гу Чуньлай. Ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы адаптировать сцену под актёра.

В итоге результат устроил всех, соответствуя стилю сценариев Сяо Жофэя — лаконичному и сжатому, без лишних слов и избыточных указаний по съёмке, что давало простор для творчества режиссёра и актёров.

Чтобы пройти цензуру, режиссёр решил избегать слишком откровенных кадров, сосредоточившись на крупных планах и деталях, передающих психологические изменения персонажей. Таким образом, вместо тщательной проработки каждого кадра актёры могли полностью погрузиться в поток любви и желания, что идеально подходило для этой сцены.

Гу Чуньлай и Юй Цяньфань после пробного освещения на площадке были отведены в сторону, чтобы настроиться на нужные эмоции. Сцена была длинной, и у них не было много дублей, ведь количество одинаковых платьев было ограничено. Если бы этот дубль не удался, пришлось бы ждать долго.

У съёмочной группы не было на это времени.

В отличие от пассивной стороны, активный Чжоу Сяоча находился в более сложном эмоциональном состоянии. После краткого обсуждения с Юй Цяньфань режиссёр также старалась вдохновить Гу Чуньлая, предлагая ему вспомнить самые близкие объятия, поцелуи, полные нетерпения, и самые импульсивные, страстные моменты.

Но у Гу Чуньлая ничего подобного не было. Он любил только одного человека, и это было в прошлом. В ту бурную ночь этот человек забрал его сердце и вытянул из него все силы. У него больше не осталось энергии, чтобы любить кого-то ещё, не говоря уже о том, чтобы вызвать то самое чувство трепета и волнения. Даже если он отпустил прошлое и время заполнило пустоту в его сердце чем-то другим, он не хотел снова ранить себя, чтобы кровь лилась рекой.

Сейчас всё было хорошо. Он хорошо ладил с Сяо Жофэем, как друзья, как товарищи, и в этом не было ничего плохого. Он не хотел снова впутываться в это, снова терять равновесие.

Нет необходимости использовать свои личные переживания для передачи эмоций, подумал Гу Чуньлай. Он играл роли от юности до старости, и за семь лет практически стал этим персонажем. У того была семья, любимый человек. Может быть, если подумать о чувствах этого персонажа, он сможет найти то, что требуется для этой сцены.

Гу Чуньлай закрыл глаза, пытаясь вернуться в тот момент, но перед ним возникла не сцена, покрытая пылью, а большое дерево софоры, рядом с которым стоял юноша с пятном пота на спине, похожим на остров в океане. Он резко встряхнул головой, пытаясь избавиться от этого образа, но вместо этого вспомнил узкий переулок в летнюю ночь, где сидящий рядом человек, пахнущий алкоголем, обнял его рукой, испачканной в соусе от креветок, и сказал:

— Мы снимем лучший фильм в мире.

Он вспомнил сто поцелуев того лета, затем — выросшего юношу с подсолнухом в руках, появившегося за кулисами.

Как бы он ни старался, он мог думать только об этом человеке.

Как бы он ни пытался, он не находил других вариантов.

Время пришло.

Гу Чуньлай оказался во власти какой-то эмоции — не безумия, не разлитой страсти, но с оттенком печали, за которой скрывалось что-то ещё более непостижимое. Юй Цяньфань, с которой он снимался много раз, тоже поддалась его настроению, более внимательно наблюдая за ним.

Звук хлопушки, включение камеры, команда режиссёра:

— Начали!

Гу Чуньлай задержал дыхание, слегка опустив ресницы, дрожа кадыком, закусив губу. Между двумя красными полосками просвечивала бледность. Он поднял руку с чёткими венами и провёл тыльной стороной пальца по уголку глаза партнёра. На площадке стояла тишина, слышалось даже жужжание нити накала осветительного прибора. Даже Байшуй, известный своими ветрами, уважительно не дул ни разу. Гу Чуньлай замер на несколько секунд, а затем с лёгким движением кадыка раздался тихий глоток. Это было словно сигнал, переключатель, и все вокруг будто услышали гул грома, стук дождя по банановым листьям, душную влажность лета, застывшую между ними. Гу Чуньлай опустил голову, уткнувшись в шею партнёра, а Юй Цяньфань в свою очередь подняла руку, крепко схватив за воротник, с ногтями, красными как кровь, и пальцами, тонкими как слёзы, медленно снимая оболочку с тела. Спина Гу Чуньлая оказалась на открытом воздухе, холод причинял боль, и даже самый совершенный макияж не мог скрыть глубокий шрам. Но Сяо Жофэй вдруг почувствовал, что этот шрам не портит красоту кадра, а придаёт персонажу особую силу. Через мгновение дыхание Гу Чуньлая участилось, лопатки на его спине двигались, как будто насекомое, готовое вырваться из кокона и обрести великолепные крылья.

В этот момент камера приблизилась, показав забытое выражение лица Юй Цяньфань, а затем переместилась на затылок Гу Чуньлая, медленно двигаясь к его кадыку, чёткому подбородку, покрасневшим ушам и, наконец, остановилась на его глазах.

Его взгляд словно хотел поглотить партнёра, в нём была и влюблённость, и боль, будто цикада, живущая семь дней, не имеющая завтрашнего дня, только эту ночь, один миг наслаждения.

Сяо Жофэй закрыл лицо, горячее как уголь. Так вот как выглядит Гу Чуньлай, когда целует кого-то. Так он выглядит, когда любит.

Так знакомо и так чуждо. Он знал, что видел это раньше, но не мог вспомнить, где именно.

Режиссёр тихо сказала:

— Стоп.

Юй Цяньфань сделала движение, чтобы сесть, но Гу Чуньлай, опираясь на руки, оставался неподвижным. Она напомнила ему, но он не реагировал. Режиссёр предложила снять ещё один дубль под другим углом, попросив его переодеться в трейлере, но он словно не слышал.

Сяо Жофэй не выдержал и подошёл, схватив холодную как железо руку Гу Чуньлая, призывая его встать, но тот вдруг вырвался.

Без предупреждения Гу Чуньлай сбежал.

Уже стемнело, старые уличные фонари мерцали, едва держась. Тень Гу Чуньлая мелькала, то появляясь, то исчезая, пока он не скрылся в туалете, спотыкаясь и падая, пока не залез в ближайшую кабинку.

Он поднял юбку, снял трусы и увидел то, что меньше всего хотел видеть.

У него была нежелательная реакция.

Это было табу для актёра, крайне непрофессиональное поведение. Он всё это время был погружён в эмоции, перед глазами мелькало лицо того человека, и только когда знакомое тепло коснулось его руки, он резко вернулся в реальность.

Что ещё оставалось делать, кроме как бежать? Если бы он посмотрел на партнёра ещё раз, его эмоции, вероятно, вышли бы из-под контроля.

Гу Чуньлай закусил указательный палец, зубы впились в плоть, боль прошла через сустав, передалась ладони, руке, сердцу, сместив все внутренности, спутав кишечник с лёгкими. Дыхание стало прерывистым. Рука теряла чувствительность, во рту распространялся вкус крови, но там, внизу, всё ещё была активность, насмехаясь над его сердцем, над его слабостью.

Наконец он сдался и убрал руку.

Две полоски крови, как следы, оставленные демоном, соблазняли его, вели его, заставляя погружаться глубже. Его разум больше не мог противостоять инстинктам, и рука с кровавыми следами медленно опустилась, сдаваясь желанию.

Он стиснул губы, рука дрожала, в глазах помутнело, мир закружился, и в какой-то момент вкус железа и мускуса заполнил его зрение, и он наконец смог успокоить дыхание, слыша окружающий мир.

Знакомые шаги ступали по плитке, как гремучая змея, медленно приближаясь к его кабинке, всё ближе, пока не остановились прямо за дверью.

Это были его знакомые коричневые ковбойские сапоги.

Тихо прозвучал голос:

— Чуньлай?

Гу Чуньлай почувствовал, будто его схватили за загривок и подняли в воздух, потеряв опору. Он огляделся — вокруг были только две перегородки, унитаза, несколько рулонов туалетной бумаги и одинокий мусорный бак. Ничто не могло спрятать живого человека или слабый запах, витавший в воздухе. Он оторвал несколько листов бумаги, торопливо вытирая руку, покрытую жидкостью, пока слегка побледневшая ладонь снова не покраснела.

— Чуньлай, я знаю... ты там.

Голос Сяо Жофэя был тихим, слегка хриплым, словно предназначенным только для него, чтобы никто другой не услышал.

— Не подходи, подожди немного!

Гу Чуньлай, сгорая от стыда, будто его поймали с королевскими ослиными ушами, поспешно выбросил смятые бумажки, потянул за рычаг слива, чтобы смыть всё, что только что произошло, как будто этого и не было.

<http://bllate.org/book/15563/1415683>